

БИБЛІОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

V. Löbell's Jahresberichte über die Veränderungen und Fortschritte im Militärwesen. XXXII Jahrgang 1905. Herausgegeben von v. Pelet-Narbonne. Berlin 1906. Mittler u. Sohn. Стр. 551.

(Окончаніе).

Въ главѣ «Крѣпостное дѣло» отмѣтимъ взглядъ на дѣйствія японцевъ подъ Портъ-Артуромъ.

Составитель этой главы указываетъ на то, что слишкомъ глубокіе рвы, безъ насыпей, скрывали хорошо отъ выстрѣловъ, но за то требовали значительной работы и затягивали движеніе впередъ. Такъ какъ, если вѣрить отчетамъ, японцы примѣняли нѣмецкую систему атаки крѣпостей, то авторъ допускаетъ, что они пользовались тѣми же правилами быстрой разстановки рабочихъ и заложения апрошей, но тщательнѣе разрабатывали самые рвы. Эта «пѣхотная атака» помощью пѣхотныхъ рабочихъ, замѣнила медленную работу саперъ въ сапныхъ работахъ.

«Если никто изъ специалистовъ и не могъ быть пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что первый, скороспѣлый и неподготовленный, штурмъ японцевъ не удался, то въ широкихъ кругахъ распространилось воззрѣніе, что въ крѣпостной войнѣ главное подойти на нѣсколько сотъ метровъ къ поясу фортговъ, заложить здѣсь штурмовую позицію, и русскія укрѣпленія падутъ, такъ какъ артилерія до тѣхъ поръ имѣла уже достаточно времени для подготовки укрѣпленій къ штурму. Когда же всѣ дальнѣйшіе штурмы все съ ближнихъ и ближнихъ дистанцій были отбиваемы; когда атакующій рѣшился прибѣгнуть ко всевозможнымъ техническимъ средствамъ, до давно заброшенной минной войны включительно; когда на контръ-эскарпѣ дѣльными недѣлями велась борьба, напоминавшая средневѣковую—тогда мы пришли къ сознанію, что какъ мы, такъ и французская школа,

считающая удобовосходимую брешь достаточнымъ поводомъ къ капитуляціи, рисковали принять за догматъ, что каждая крѣпость должна пасть послѣ занятія атакующимъ штурмовой позиціи.

«Благодаря геройскимъ подвигамъ націи, полу-культура которой сохранила еще въ нихъ природныя силы и инстинктъ, мы узнали, что вся наша теорія о подавляющемъ могуществѣ огнестрѣльнаго оружія очень сомнительна, такъ какъ уничтожаетъ въ насъ вѣру въ значеніе личнаго мужества и искусства.

«Другой урокъ заключается въ томъ, что, преувеличивъ значеніе нашей артилеріи, приняли работу саперъ, открывающихъ путь штурмующимъ колоннамъ, за что то второстепенное, за трудъ легкій, и относились къ ней пренебрежительно. Если мы теперь слышимъ, что японцы оказались вынуждены довести количество піонеръ подъ Портъ-Артуромъ почти до $\frac{1}{3}$ осаднаго корпуса (вѣроятно путемъ соотвѣтствующаго обученія пѣхоты на мѣстѣ же), то нельзя не подумать о малочисленности саперныхъ войскъ въ нашей (германской) арміи.

«Потери піонеръ должны бы быть баснословны, такъ какъ они были вынуждены подползать и разрушать искусственныя препятствія подъ огнемъ прожекторовъ, причемъ ихъ не защищали и щиты. Какъ будемъ мы въ будущую войну покрывать эту убыль въ нашихъ піонерныхъ войскахъ, съ чѣмъ мы совсѣмъ не считаемся?»

Глава о *«Саперномъ дѣлѣ»* также преимущественно построена на событіяхъ русско-японской войны.

Такъ какъ о значеніи окопныхъ работъ писалось у насъ очень много, то останавливать вниманія читателей на этой главѣ мы не будемъ.

Интересно составлена глава о *«Средствахъ сообщенія»* въ современныхъ арміяхъ.

Было бы ошибочно, по мнѣнію составителя главы о *«воздухоплаваніи»*, на основаніи русско-японской войны высказываться отрицательно о пользѣ привязныхъ воздушныхъ шаровъ на войнѣ. Эта послѣдняя лишь подтвердила тотъ взглядъ, что импровизировать воздухоплавательныя части нельзя, что онѣ требуютъ, напротивъ, технически исполнѣ разработанной матеріальной части, обученнаго въ мирное время персонала, и въ особенности хорошихъ офицеровъ.

Всего этого на войнѣ не оказалось. Когда заказанная въ Германіи для обѣихъ воюющихъ сторонъ матеріальная часть была доставлена на театръ военныхъ дѣйствій, миръ уже былъ заключенъ.

Нѣмецкій привязной змѣйковый шаръ постепенно продолжаетъ вытѣснять шаръ прежней круглой формы. Даже Франція, неохотно заимствующая чужія изобрѣтенія, приступила къ испытанію этого типа. Лишь Англія продолжаетъ оставаться при своемъ старомъ шарѣ; но

такъ какъ этотъ послѣдній исключаетъ всякую возможность наблюденія при сильномъ вѣтрѣ, то воздухоплавательнымъ командамъ придали змѣйковые взводы, поднимающіе наблюдателя при помощи нѣсколькихъ воздушныхъ змѣевъ системы Кади.

Въ области производства газа слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько изобрѣтеній, подвинувшихъ это дѣло.

Хотя перевозка готового газа въ стальныхъ цилиндрахъ оказывается самой цѣлесообразной, но на войнѣ встрѣтились затрудненія въ добываніи самого газа, почему можетъ оказаться выгоднѣе добывать его непосредственно на мѣстѣ наполненія шара. Добываніе водорода изъ желѣза и сѣрной кислоты для полевой войны непригодно: матеріаль громоздокъ и тяжелъ и требуетъ большого количества воды. Наилучшимъ способомъ остается электролитическій.

На выставкѣ въ С.-Луи демонстрировался приборъ, дающій большое количество водорода изъ бурога угля, торфа и т. п.; стоимость кубического метра газа обходится въ нѣсколько копѣекъ, тогда какъ до сихъ поръ она достигала 25—50 коп.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что приборъ этотъ функционировалъ недостаточно хорошо, и во время выставки произошло нѣсколько взрывовъ.

Большое затрудненіе въ работѣ воздухоплавательныхъ командъ до сихъ поръ представляла лебедка. Паровыя и ручныя оказываются малопригодными. Лишь въ послѣднее время въ Германіи удалось примѣнить къ лебедкѣ бензинный моторъ, что дало значительно лучшіе результаты.

1905 годъ ознаменовался значительнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ свободныхъ полетовъ. 3-го іюля 1905 г. во Франціи воздушный корабль братьевъ Лебоди въ 2 ч. 35 минутъ пролетѣлъ изъ Муассона въ Во, 95 килом.; здѣсь онъ на якоряхъ простоялъ ночь въ открытомъ полѣ и на другой день пошелъ противъ сильнаго вѣтра въ Фергэ. Здѣсь онъ простоялъ, вслѣдствіе бури, больше сутокъ и затѣмъ, пролетѣвъ 98 кил., спустился въ Шалонскомъ лагерѣ. Послѣдующіе опыты доказали полную возможность свободного полета на кораблѣ Лебоди.

Тотъ же отчетный годъ обозначаетъ собою значительный успѣхъ въ *искровой телеграфіи*. Въ Германіи въ этомъ году команда искрового телеграфа была выдѣлена изъ воздухоплавательнаго баталіона и передана телеграфному баталіону № 1, въ Берлинѣ. На кавалерійскихъ маневрахъ на восточной границѣ имперіи примѣнялась команда искрового телеграфа съ восьмерочной запряжкой, благодаря каковой тяжелыя станціи могли послѣвать и обслуживать развѣдочныя эскадроны.

На вопросахъ артилерійскихъ и ручного оружія мы останавливаться не будемъ.

Въ заключеніе остается отмѣтить, что въ разсматриваемомъ томѣ, какъ и до сего времени, изучающій иностранныя арміи найдетъ неизсякаемый источникъ точныхъ и полныхъ свѣдѣній.

Colonel Arthur Boucher. L'armée idéale. Paris. Charles Lavauzelle. Стр. 311.

Превосходная книга, написанная талантливо, увлекательно и съ большой эрудиціей. Принимаясь за рецензію, такъ и хочется выйти изъ рамокъ и начать переводить книгу страница за страницей.

«Война въ наши дни, пишетъ авторъ, подчинена многимъ и сложнымъ правиламъ. Чтобы собрать ихъ, нужно имѣть цѣлую библіотеку; чтобы изучить—нужно посвятить этому всю жизнь.

И тѣмъ не менѣе, тѣ лица, которыя лучше всѣхъ изучили ихъ, вынуждены сознаться, что чаще всего эти правила не приносятъ имъ никакой помощи при столкновеніи съ противникомъ. Это подтверждаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ извѣстный военный писатель, генералъ прусской службы Верди-дю-Вернуа.

«Въ 1866 г., передъ Находомъ, разбираясь въ приказаніяхъ, которыя надлежало отдать, чтобы вывести армію изъ того критическаго положенія, въ которомъ она очутилась, онъ просмотрѣлъ всѣ лучшіе учебники военного искусства и то, что говорится въ нихъ объ атакѣ и оборонѣ дефиле, и ни одно изъ рекомендуемыхъ тамъ правилъ не подходило къ данному случаю. Поэтому ему пришлось прибѣгнуть къ собственному разсудку и задаться вопросомъ: «Въ концѣ концовъ, въ чемъ же дѣло, и на что слѣдуетъ рѣшиться?»

«Разсказывая этотъ случай изъ своей жизни, Верди-дю-Вернуа продолжаетъ: «Вотъ съ какихъ поръ началось мое отвращеніе къ тактическимъ правиламъ; само собою разумѣется, что правилъ на всѣ случаи быть не можетъ, потому что случаи эти на войнѣ слишкомъ разнообразны... Правила общаго характера могутъ быть только аксіомами, какъ въ математикѣ».

Что же это за аксіомы? спрашиваетъ полковникъ Бушэ. Вся геометрія вытекаетъ изъ одной аксіомы. Если бы основная аксіома военного искусства была извѣстна, то нельзя ли было бы, примѣняя ее къ каждому данному случаю, вывести изъ нея, какъ въ математикѣ, частныя правила, вполне отвѣчающія данному строю?

Въ наше время военные очень мало занимаются философіей, а философы слишкомъ мало интересуются военнымъ дѣломъ, чтобы подобно Декарту найти и для военного искусства свое Cogito, ergo sum.

Въ старину было иначе.

Открывъ случайно давно написанную книгу, полковникъ Бушэ узналъ, что былъ философъ, который участвовалъ въ войнѣ и изложилъ свои разсужденія о военныхъ дѣлахъ.

Философъ этотъ—Сократъ.

Этотъ мудрецъ, стараясь опредѣлить обязанности начальника, открыто заявилъ, что онѣ заключаются лишь въ одномъ—*сдѣлать солдатъ счастливыми.*

Только эта мысль и должна руководить всеми дѣйствіями начальника. Она же и есть основная аксіома командованія, а слѣдовательно, и *основная аксіома военнаго искусства.*

«Съ перваго взгляда, мнѣніе это можетъ показаться абсурдомъ. Когда его высказываешь людямъ военнымъ и людямъ гражданскимъ, они смотрятъ на васъ съ удивленіемъ, и спрашиваютъ себя—какъ могла придти вамъ въ голову эта мысль. Какая связь можетъ существовать между войной и счастьемъ солдатъ?»

«Развѣ война не равнозначуща усталостямъ, лишеніямъ, страданіямъ, ранамъ, смерти... жестокости характера начальника и пр. и пр.?»

«Самые снисходительные слушатели соглашаются признать эту аксіому красивой фразой, хорошей для книги, но съ чрезвычайно парадоксальнымъ отгѣнкомъ и, во всякомъ случаѣ, лишеной всякаго практическаго значенія.

«Не останавливаясь на этихъ сужденіяхъ, намъ всеже подумалось, что вопросъ этотъ, возбужденный такимъ геніемъ, какъ Сократъ, заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

«Если война имѣетъ цѣлью уничтожить силы противника, *искусство войны* заключается въ достиженіи побѣды наименѣе выгоднымъ образомъ, возможно дешевле, на примѣръ, щадя возможнымъ образомъ жизнь солдатъ.

«Дать своимъ солдатамъ легкую побѣду, сберечь ихъ жизнь—развѣ это не значитъ дать имъ долю счастья?»

Подъ словами «сдѣлать солдатъ счастливыми» Сократъ подразумѣвалъ слѣдующее: *дать имъ качества, ведущія къ побѣдѣ, т. е. прежде всего мужество и чувство добровольнаго повиновенія; извлечь наибольшую выгоду изъ этихъ качествъ, и, наконецъ, какъ можно больше щадя ихъ жизнь.*

Авторъ обращается къ исторіи, исходя изъ войнъ и событій, современныхъ Сократу и его ученикамъ, а именно: отступленіе 10,000, борьбу Фивъ съ Спаргой и знаменитыя сраженія при Коронѣ и Мантинѣ. Изучая эти войны и событія и Киропедію Ксенофонта, авторъ приходитъ къ заключенію, что Ксенофонтъ задался цѣлью показать значеніе идей Сократа, и, въ частности, основной аксіомы военнаго искусства; онъ хотѣлъ доказать, что примѣняя ее къ такому конкретному случаю, какъ исторія Кира, возможно создать въ идеальномъ государствѣ *идеальную армію*, т. е. вдохновляясь единственною этой мыслью, онъ могъ бы придать идеальный характеръ существеннымъ элементамъ арміи: *начальнику, войскамъ и боевымъ порядкамъ.*

Авторъ убѣдился въ томъ, что выдумывая въ этомъ романѣ битву при Тимбреѣ, гдѣ участвуютъ сотни тысячъ людей, Ксенофонтъ могъ бы, исходя изъ той же аксіомы, разрѣшить самую трудную задачу войны. Но онъ скрылъ рѣшеніе, каковое и взялъ на себя полковникъ Бушэ.

Затѣмъ онъ дѣлаетъ скачекъ болѣе чѣмъ черезъ XX вѣковъ и переходитъ къ франко-прусской и послѣдующимъ войнамъ. Молодое поколѣніе Франціи, рѣшившись предотвратить погромъ, подобный 1871 г., съ жаромъ принялось за работу. «Оно изучило всѣ стороны военного искусства»—этого искусства, которое боги даровали людямъ, въ видѣ орудія ихъ счастья и свободы» (Киропедія).

«Принесъ ли весь этотъ трудъ желанные плоды? Имѣемъ ли мы нынѣ неоспоримые принципы, на которыхъ мы бы могли основать наши поступки?»

«Имѣемъ ли мы даже хотя бы единство доктрины, считаемое необходимымъ для того, чтобы всѣ элементы арміи, говорящіе однимъ языкомъ, легко и быстро понимали другъ друга?»

«Приходится признаться, что нѣтъ.

«Достаточно измѣнить дальнобойность огнестрѣльнаго оружія, чтобы измѣнить наши принципы. Наши уставы мѣняются черезъ 2—3 года и даже чаще.

«Наконецъ, на нашихъ глазахъ высшіе начальники расходятся во взглядахъ и ведутъ литературную войну, въ пользу своихъ идей, часто расходящихся весьма существенно.

«Можно ли этому удивляться? Вполнѣ естественно, что ища опыта, мы обращаемся къ военной исторіи, но отъ нея можно требовать не больше того, что она можетъ дать. Она даетъ отвѣты только на частные случаи.

«Сократъ и Верди-дю-Вернуа говорятъ намъ, что уроки войны не могутъ имѣть общаго характера, потому что положенія на войнѣ въ точности не повторяются.

«Если войны, какъ, напримѣръ, англо-бурская, на время перевернули умы военныхъ людей, то это лишь вслѣдствіе тенденціи къ скорому обобщенію.

«Правда, изучая большое число военно-историческихъ фактовъ, можно найти общія черты въ частныхъ рѣшеніяхъ. Но эти факты сами по себѣ могутъ имѣть ограниченное дѣйствіе и надлежало бы распространить изученіе ихъ до безконечности, чтобы быть увѣреннымъ въ возможности открыть общій принципъ.

«Разсуждая такъ, Клаузевицъ вывелъ слѣдующій законъ:

«Чтобы побѣдить, нужно быть болѣе сильнымъ на рѣшительномъ пунктѣ».

Для достиженія этого, по его мнѣнію, нужно слѣдующее: «Проти-

Авторъ убѣдился въ томъ, что выдумывая въ этомъ романѣ битву при Тимбреѣ, гдѣ участвуютъ сотни тысячъ людей, Ксенофонтъ могъ бы, исходя изъ той же аксіомы, разрѣшить самую трудную задачу войны. Но онъ скрылъ рѣшеніе, каковое и взялъ на себя полковникъ Бушэ.

Затѣмъ онъ дѣлаетъ скачекъ болѣе чѣмъ черезъ XX вѣковъ и переходитъ къ франко-прусской и послѣдующимъ войнамъ. Молодое поколѣніе Франціи, рѣшившись предотвратить погромъ, подобный 1871 г., съ жаромъ принялось за работу. «Оно изучило всѣ стороны военного искусства»—этого искусства, которое боги даровали людямъ, въ видѣ орудія ихъ счастья и свободы» (Киропедія).

«Принесъ ли весь этотъ трудъ желанные плоды? Имѣемъ ли мы нынѣ неоспоримые принципы, на которыхъ мы бы могли основать наши поступки?»

«Имѣемъ ли мы даже хотя бы единство доктрины, считаемое необходимымъ для того, чтобы всѣ элементы арміи, говорящіе однимъ языкомъ, легко и быстро понимали другъ друга?»

«Приходится признаться, что нѣтъ.

«Достаточно измѣнить дальнобойность огнестрѣльнаго оружія, чтобы измѣнить наши принципы. Наши уставы мѣняются черезъ 2—3 года и даже чаще.

«Наконецъ, на нашихъ глазахъ высшіе начальники расходятся во взглядахъ и ведутъ литературную войну, въ пользу своихъ идей, часто расходящихся весьма существенно.

«Можно ли этому удивляться? Вполнѣ естественно, что ища опыта, мы обращаемся къ военной исторіи, но отъ нея можно требовать не больше того, что она можетъ дать. Она даетъ отвѣты только на частные случаи.

«Сократъ и Верди-дю-Вернуа говорятъ намъ, что уроки войны не могутъ имѣть общаго характера, потому что положенія на войнѣ въ точности не повторяются.

«Если войны, какъ, на примѣръ, англо-бурская, на время перевернули умы военныхъ людей, то это лишь вслѣдствіе тенденціи къ скорому обобщенію.

«Правда, изучая большое число военно-историческихъ фактовъ, можно найти общія черты въ частныхъ рѣшеніяхъ. Но эти факты сами по себѣ могутъ имѣть ограниченное дѣйствіе и надлежало бы распространить изученіе ихъ до безконечности, чтобы быть увѣреннымъ въ возможности открыть общій принципъ.

«Разсуждая такъ, Клаузевицъ вывелъ слѣдующій законъ:

«Чтобы побѣдить, нужно быть болѣе сильнымъ на рѣшительномъ пунктѣ».

Для достиженія этого, по его мнѣнію, нужно слѣдующее: «Проти-

вопоставить непріятелю *minimum* силъ, чтобы его задержать, приковать и заставить расходовать свои силы по всему фронту. Сохранить свѣжими большую часть силъ для нанесенія сильного удара, сосредоточеннаго противъ рѣшительнаго пункта».

«Самыя выдающіеся профессора нашей военной академіи, также основываясь на данныхъ военной исторіи, указали намъ способъ примѣненія идей Клаузевица. Въ области стратегіи онъ заключается въ томъ, чтобы составить сильную авангардную армію; въ области тактики—въ томъ, чтобы окружить свои арміи прикрывающими отрядами и получить, какъ бы механически, ту иммобилизацію и истощеніе вражескихъ силъ, которыя должны предшествовать рѣшительной атакѣ».

Но, спрашиваетъ авторъ, изъ того, что противники Наполеона или французы въ 1870 г. позволили себя иммобилизовать *minimum* силъ—слѣдуетъ ли вывести, что непріятель поступитъ такъ же и въ будущей войнѣ? Другими словами, можно ли утверждать, что законъ этотъ, этотъ способъ дѣйствій, имѣетъ всеобщій характеръ?

Кромѣ экспериментальнаго, или историческаго метода, есть еще методъ Декарта. Но гдѣ тотъ мыслитель, который въ наши дни отважится свергнуть все военное искусство, поскольку оно вытекло изъ опыта вѣковъ, и возсоздастъ его на единственной аксіомѣ, на одной и единой истинѣ? Если этого человѣка въ настоящее время нѣтъ, за то онъ существовалъ. Это Сократъ, съ его формулой—«сдѣлай солдатъ счастливыми».

Въ началѣ военной исторіи эта аксіома въ дѣйствительности служила основнымъ принципомъ военнаго искусства.

«Подозрѣваютъ ли въ наши дни важность этой аксіомы? Если бы спросить самыхъ блестящихъ офицеровъ, выходящихъ изъ военной академіи: «Научили ли васъ—какъ укрѣплять мужество въ вашихъ солдатахъ и сдѣлать ихъ дисциплинированными по доброй волѣ? Показали ли вамъ, какъ извлечь наибольшія выгоды изъ этихъ качествъ? Показали ли вамъ какъ важно заботиться о сохраненіи ихъ жизни?»

«Они бы смогли лишь отвѣтить: «Въ нашихъ курсахъ тактики намъ ничего объ этомъ не говорили».

«Не были ли бы мы вправѣ, подобно Сократу, сказать имъ: «вернитесь къ своимъ профессорамъ и покажите имъ свое невѣжество...?»

Интересно взглянуть—руководился ли Наполеонъ этимъ принципомъ. Думалъ ли онъ о необходимости счастья для солдатъ?

Онъ сдѣлалъ, очень много для укрѣпленія мужества, добровольной дисциплины и для извлечения наибольшихъ выгодъ изъ этихъ качествъ. Но думалъ ли онъ когда-либо о сбереженіи ихъ жизни?

«Всѣ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно, и не правы.

«О чемъ думалъ онъ въ знаменитомъ походѣ 1796 г., когда онъ прибѣгалъ къ хитрости, чтобы раздѣлить силы противника и атаковать ихъ врознь, съ значительнымъ перевѣсомъ въ силахъ?»

«О чемъ думалъ онъ, составляя планъ маневра подъ Маренго и повторивъ его подъ Ульмомъ?»

«Въ своемъ воззваніи къ солдатамъ послѣ капитуляціи Макка, онъ говоритъ: «Всѣ усилія мои будутъ направлены къ тому, чтобы побѣдить съ наименьшимъ пролитіемъ крови. Мои солдаты—мои дѣти».

«Такимъ образомъ, были моменты, когда и Наполеонъ говорилъ и понималъ языкъ Сократа.

«Весь міръ знаетъ, что Наполеонъ изучалъ войны древняго міра. Но, быть можетъ, не всѣмъ извѣстно, что онъ тщательно изучилъ Ксенофонта».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того какъ онъ заявилъ всему свѣту, что его главное стремленіе—щадить жизнь своихъ дѣтей, Наполеонъ даетъ Аустерлицъ. Мысль автора настолько интересна, что мы позволили себѣ привести большое извлеченіе изъ соответствующей главы.

«Мы не будемъ останавливаться, пишетъ авторъ, на томъ, что сдѣлалъ Наполеонъ, для возбужденія мужества солдатъ и для внушенія имъ желанія всюду слѣдовать за нимъ.

«Замѣтимъ лишь, что онъ не довольствуется впечатлѣніемъ, полученнымъ отъ Ульма; онъ пользуется каждымъ представляющимся случаемъ для поддержанія и укрѣпленія въ солдатахъ этого двойного чувства.

«Съ этой цѣлью онъ то и дѣло вступаетъ въ соприкосновеніе съ ними, подчеркиваетъ причины превосходства ихъ надъ противникомъ, сообщаетъ имъ свои намѣренія... «Онъ говоритъ имъ: «Солдаты, позиціи, занимаемыя нами, грозны. Въ то время когда противникъ двинется въ обходъ моего праваго фланга, онъ подставитъ мнѣ свой...»; говоря такъ, онъ не боится выдать своего плана.

«Слушая это, солдаты убѣждаются до очевидности, что принятія Наполеономъ мѣры ведутъ лишь къ тому, чтобы сберечь ихъ и ихъ славу, и съ этого момента они рѣшаются выполнить этотъ планъ съ наибольшей энергіей.

«Государь, говоритъ ему на бивакѣ старый гренадеръ отъ имени товарищей, я обещаю тебѣ отъ имени гренадеровъ арміи, что завтра мы принесемъ тебѣ знамена и пушки русскихъ, чтобы отпраздновать годовщину твоего коронованія».

«Желаніе дать своимъ солдатамъ побѣду съ наименьшимъ пролитіемъ крови привело уже Наполеона къ созданію плана и осуществленію Ульмскаго маневра.

«Прибѣгнувъ къ хитрости, ему удалось сосредоточить всю армію въ тылу Макка и принудить его капитулировать.

«Эта же мысль руководила имъ при рѣшеніи атаковать главныя силы австрійской арміи.

«Этимъ онъ не только увеличиваетъ пылъ своихъ солдатъ и уменьшаетъ его у противника; онъ ослабляетъ послѣдняго еще и тѣмъ, что предупреждаетъ его на пунктѣ, гдѣ онъ можетъ сосредоточить свои силы и получить помощь отъ союзниковъ.

«Въ моментъ соприкосновенія съ противникомъ, онъ еще весь проникнутъ желаніемъ побѣдить съ наименьшими жертвами. Можно-ли сомнѣваться въ искренности слѣдующихъ словъ его на томъ же bivakъ: «Это самый прекрасный вечеръ въ моей жизни; но мнѣ больно думать, что я лишусь большей части этихъ молодцовъ. По огорченію, доставляемому мнѣ этой мыслью, я чувствую, что это дѣйствительно мои дѣти».

«Съ этого времени онъ начинаетъ думать какъ осуществить этотъ принципъ.

«Непріятель въ превосходныхъ силахъ; слѣдовательно нужно возмѣстить недостатокъ нашей силы хитростью.

«Каково положеніе? Союзники, двигаясь отъ Ольмюца, дошли до Вишау. Онъ съ своей арміей идетъ на Аустерлицъ; его путь отступленія ведетъ на Вѣну, т. е. перпендикулярно къ операціонной линіи. Развѣдка дала уже свѣдѣнія о составѣ союзныхъ армій, о недостаткѣ единенія между ихъ штабами; кромѣ того, онъ знаетъ, что ни одинъ изъ генераловъ не имѣетъ опыта веденія большой войны.

«Такіе начальники могутъ надѣлать только ошибокъ, и эти послѣднія ему нужно узнать.

«Для этого онъ не обращается къ кавалеріи, такъ какъ она мѣжетъ доставить эти свѣдѣнія въ недостаточномъ количествѣ и цѣною большихъ потерь. Поэтому онъ ограничивается требованіемъ, чтобы она извѣстила его о присутствіи противника настолько своевременно, чтобы онъ могъ принять соответствующія мѣры, а разузнать о намѣреніяхъ начальниковъ онъ поручаетъ своему адъютанту Савари, которому онъ даетъ средство проникнуть къ русскому главнокомандующему.

«Пробывъ 3 дня въ главной квартирѣ, онъ ведетъ продолжительныя разговоры съ блестящими адъютантами, его окружающими. Онъ выводитъ изъ нихъ, съ одной стороны, что неосторожность и неувѣренность господствуютъ въ рѣшеніяхъ военнаго кабинета; что штабъ рѣшился и ищетъ не столько сраженія, сколько побѣды, и что его занимаетъ вопросъ лишь о томъ, чтобы обойти и захватить въ плѣнъ французскую армію, а не разбить ее. Обойти можно ее только справа, чтобы отрѣзать отъ пути отступленія.

«На этихъ свѣдѣнiяхъ Наполеонъ основываетъ свои рѣшенiя, превращая рѣшенiе противника въ капитальную ошибку.

«Произведя рекогносцировку мѣстности, онъ находитъ, что къ югу отъ Праценскаго плато расположена трудно преодолимая мѣстность, пересѣченная прудами, гдѣ маневрированiе невозможно. Поэтому онъ прилагаетъ усилiя къ тому, чтобы поддержать въ противникѣ стремленiе въ наступленiю и заставить его произвести обходное движенiе по этой мѣстности.

«Съ этою цѣлью онъ не только приказываетъ своей армiи отступить, но отступить ночью, утвердиться на плато, открыто заняться его укрѣпленiемъ и установить батареи, какъ бы для прикрытiя отступленiя.

«Онъ предлагаетъ Императору Александру свиданiе чрезъ посланнаго оттуда адъютанта. Этому послѣдняго искусно проводятъ по аванпостамъ и лагерю, чтобы дать ему замѣтить, что вся французская армiя дышетъ скромностью и робостью.

«Союзники продолжаютъ наступленiе и утверждаютъ на Праценскихъ высотахъ. Добившись этого, Наполеонъ обнажаетъ свой правый флангъ, оставивъ слабыя силы въ Тельницѣ и Сокольницѣ, чтобы ничто не помѣшало замысламъ противника.

«Назначивъ въ обходъ значительную часть своихъ силъ, которыя затѣмъ не въ состоянiи будутъ принять участiе въ бою, стороны ослабили себя, а главное центръ, рисковавшiй быть атакованнымъ безъ надежды на поддержку лѣваго крыла.

«Тогда Наполеонъ производитъ маневръ, противоположный маневру русскихъ. Маршалъ Даву получаетъ приказанiе отправиться въ Райгернъ, вступить въ командованiе прибывшей туда дивизiей, дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, стараясь застать непрiятеля въ Тельницѣ и приковать его мѣсту,—но рѣшительную атаку онъ можетъ вести только когда непрiятель будетъ отрѣзанъ и Праценское плато занято французами.

«Лѣвый флангъ его опирается на прекрасную укрѣпленную позицiю съ 18 орудiями.

«Наконецъ онъ массируетъ почти всѣ свои войска и располагаетъ ихъ у подошвы плато такъ, что правый флангъ приходится противъ центра противника.

«Итакъ, Наполеонъ, хотя и имѣвшiй дѣло съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ, благодаря хитрости, оказывается въ концѣ концовъ сильнѣе противника на всѣхъ пунктахъ, гдѣ ему приходится вести бой. При такихъ условiяхъ онъ ни минуты не сомнѣвается въ томъ, что разрѣжетъ непрiятельскую армiю на двое и отброситъ весь лѣвый флангъ въ пруды и болота.

«Мы видимъ, что всѣ эти рѣшенiя Наполеонъ вывелъ изъ един-

ственной мысли доставить своимъ солдатамъ побѣду съ наименьшимъ пролитіемъ крови.

«Слѣдуетъ признать, что въ концѣ концовъ эти мѣропріятія приводятъ къ тому, чтобы сдѣлать его сильнѣе на рѣшительномъ пунктѣ и, противопоставивъ противнику *minimum* силъ, необходимыхъ для удержанія его, сохранить превосходныя силы для нанесенія сильнаго удара на рѣшительномъ пунктѣ.

«Но это только послѣднее слѣдствіе мысли, непрестанно руководившей Наполеономъ. Если бы онъ стремился не къ тому, чтобы быть сильнѣе на рѣшительномъ пунктѣ, онъ сдѣлалъ бы, по его собственному сознанію слѣдующее: «сталъ бы на прекрасныхъ Праценскихъ высотахъ». Но тогда разыгралось бы «самое обыкновенное сраженіе». На его сторонѣ, правда, было бы «превосходство въ расположеніи, но противникъ могъ бы надѣлать только мелкія ошибки. Онъ не сдѣлалъ бы капитальной ошибки», которую Наполеонъ вызвалъ хитростью и желаніемъ дать своимъ солдатамъ побѣду съ наименьшимъ пролитіемъ крови.

«Но мнѣнію Наполеона, война искусство простое и все зависитъ отъ исполненія, т. е. въ планѣ трудно не составленіе его, а его выполненіе.

«Поэтому онъ не довольствуется тѣмъ, что внушаетъ своимъ солдатамъ необходимость исполненія приказаній съ наибольшей энергіей, но принимаетъ также мѣры, чтобы удостовѣриться въ томъ, что онъ понятъ.

«Съ этою цѣлью онъ собираетъ къ себѣ своихъ генераловъ наканунѣ сраженія и вызываетъ ихъ еще передъ самымъ дѣйствіемъ для отдачи послѣднихъ инструкцій.

«Онъ достаточно опредѣленно указываетъ каждому рамки, въ которыхъ онъ можетъ и долженъ дѣйствовать, сохранивъ за собою лишь наблюденіе за результатами и указаніе момента, когда все бросается впередъ».

«Этотъ общій очеркъ Аустерлица позволяетъ заключить, что императоръ прежде всего старался возбудить мужество солдатъ и вызвать въ нихъ желаніе исполнить его приказанія въ разгарѣ опасности; что онъ старался наилучшимъ образомъ использовать эти качества; наконецъ, что изъ желанія сберечь возможно больше солдатскихъ жизней, онъ выводитъ всѣ свои дальнѣйшія распоряженія.

«Эти три мысли Сократъ соединилъ въ одной аксіомѣ: *«сдѣлать солдатъ счастливыми»*.

Сравнивая Аустерлицъ съ Тимбреей,—идеальное сраженіе, осуществленное, съ идеальнымъ сраженіемъ выдуманымъ, поражаешься ихъ сходствомъ.

Прежде всего, оба начальника проникнуты одной и той же идеей: возможно больше сохранить солдатской жизни.

Оба до послѣдней минуты заняты мыслью укрѣпить ихъ мужество и добровольную дисциплину, и пользуются для этого одними и тѣми же средствами.

Имѣя дѣло съ превосходными силами противника, оба рѣшаютъ воспользоваться силой хитростью.

Намѣренія противника вывѣдываются шпионствомъ старшихъ офицеровъ.

Въ обоихъ случаяхъ противникъ задумываетъ обходъ и совершаетъ капитальную ошибку. Онъ помогаетъ осуществленію хитрости, благодаря которой фланги расходятся настолько, что не въ состояніи поддержать центръ.

Оба атакуютъ этотъ ослабленный центръ.

Оба формируютъ единую массу почти изъ всѣхъ своихъ силъ, оставивъ на флангахъ лишь самое необходимое, и располагаютъ ее противъ непріятельскаго центра. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, они становятся сильнѣе на рѣшительномъ пунктѣ.

Словомъ оба начальника, на промежуткѣ 23 вѣковъ, основываютъ побѣду на одной и той же аксіомѣ: «сдѣлать солдатъ счастливыми». Не въ этомъ-ли тайна побѣды?

Далѣе авторъ переходитъ къ вопросу о *положеніи арміи среди націи*.

«Демократическая республика, говоритъ онъ, должна быть основана на добродѣтели». Это мнѣніе Сократа было повторено Монтескье. Но добродѣтель не заключается только въ мужествѣ, умѣренности и справедливости. Авторъ «Духа законовъ» называетъ еще любовь къ республикѣ, къ родинѣ—до самоотреченія и предпочтенія общественныхъ интересовъ своимъ.

Идея сдѣлать армію школой не только военной подготовки, но и національной, дающей гражданину недостающія ему качества, отвѣчаетъ желаніямъ многихъ французовъ.

Говорятъ, что офицеръ не долженъ ограничиваться ролью инструктора. Онъ долженъ обучить грамотныхъ и улучшить «условія, при которыхъ по выходѣ со службы, солдатъ вступить въ борьбу за существованіе».

Офицеръ сталъ воспитателемъ.

«Отъ него потребовали использованія досуга солдата - хлѣбопашца и улучшить его въ этомъ отношеніи; офицеръ сдѣлался агрономомъ.

«Его заставили научить солдата гибельнымъ послѣдствіямъ пьянства и онъ сталъ докторомъ...»

«Офицеръ сдѣлался агентомъ сберегательныхъ кассъ, политикомъ, физиологомъ.

«Главнымъ же образомъ, его обязали заяться нравственнымъ воспитаніемъ солдата и внушить ему его обязанности по отношенію къ родинѣ, начальникамъ и товарищамъ; и офицеръ, понявъ, что изъ всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей. послѣдняя самая важная, вложилъ душу въ это дѣло».

Но вліяніе на солдатъ, говорить авторъ, далеко не всеобъемлюще. Оно рѣдко было успѣшно по отношенію къ городскимъ рабочимъ, буржуа, и въ особенности къ этимъ послѣднимъ, любителямъ наслажденій и эгонстамъ; кромѣ того сюда же слѣдуетъ отнести и интернаціоналистовъ. Поэтому военное воспитаніе мало отражается на странѣ, тѣмъ болѣе, что вліяніемъ пользуются именно неподдающіеся ему элементы.

Если всѣ солдаты признають въ офицерѣ начальника, то не всѣ признають въ немъ наличіе качествъ, присущихъ воспитателю.

Если хотять, чтобы армія дала гражданину качества, которыхъ онъ не имѣетъ, и которыя необходимы ему, нужно расширить миссію офицера, признавъ, что армія, школа націи, должна стать школой добродѣтели.

«Добродѣтель, говорить Бушэ, выражается въ слѣдующихъ 4-хъ качествахъ: мужество, умѣренность, справедливость, патриотизмъ».

Сократъ говорилъ, что добродѣтели можно научить, какъ и ариѳметикѣ.

Для этого нужно, чтобы армія прежде всего была школой равенства; нужно, чтобы всѣ, кто призванъ на командныя должности, были сначала отличными солдатами, привыкли повиноваться.

«Во вторыхъ, власть имъ присвоенная, должна быть основана на превосходствѣ ихъ добродѣтели».

Генераль фонъ-дербъ-Гольцъ въ своемъ «Вооруженномъ народѣ» даетъ слѣдующую характеристику идеальнаго генерала.

Онъ долженъ имѣть закаленный характеръ, волю, вѣру въ себя, честолюбіе и стремленіе къ славѣ. Такъ какъ онъ долженъ въ минуту опасности проявлять свою волю надъ массами, что онъ долженъ быть болѣе созданъ для командованія, чѣмъ для того, чтобы нравиться другимъ.

Онъ долженъ имѣть душу, не смущающуюся и не выходящую изъ состоянія равновѣсія.

Знаніе сердца солдата указываетъ ему каждый разъ границы усилій, которыхъ отъ него можно потребовать.

Онъ долженъ знать своихъ подчиненныхъ, чтобы открыть среди нихъ лучшихъ исполнителей его воли.

Непреклонная твердость, кажущаяся безчувственность, порою отталкивающая,—вотъ качества, необходимыя ему, если онъ хочетъ надѣлать крупныхъ дѣлъ.

Для генерала нѣтъ хуже преступленія—быть разбитымъ; этого исторія ему никогда не проститъ.

«Если бы Ксенофонтъ, пишетъ Бушэ, появился среди насъ, то онъ очевидно былъ бы чрезвычайно удивленъ такими представленіями о командномъ составѣ арміи.

«Какимъ образомъ, сказалъ бы онъ, вашъ генераль, проникая въ сердце солдата, можетъ опредѣлить границы усилій, на которыя онъ способенъ? Въ томъ сердцѣ, которымъ онъ не старается овладѣть, считая себя назначеннымъ командовать, а не нравиться; онъ найдетъ его такимъ же черствымъ, какъ и свое собственное. Разобравшись въ немъ, онъ найдетъ, что все повиновеніе солдата основано на боязни наказанія.

«Какимъ путемъ знаніе своихъ людей поможетъ ему опредѣлить лучшихъ исполнителей его воли? Это знаніе укажетъ ему, что истинное самопожертвованіе встрѣчается только среди тѣхъ, кто связанъ привязанностью и благодарностью, и если онъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы вызвать эти чувства, то нужныхъ ему исполнителей онъ не найдетъ. Если же они и найдутся, то никогда не сдѣлаютъ всего того, что можно бы отъ нихъ ожидать.

«Какъ можетъ вашъ генераль претендовать на повиновеніе въ критическую минуту сотенъ тысячъ людей, которые знаютъ, что имъ руководятъ только честолюбіе и любовь къ славѣ?

«Какъ пойдутъ они на смерть ради него, презирающаго ихъ жизнь?

«Еслибы Ксенофонтъ захотѣлъ найти начальника, подходящаго къ идеалу фонъ-деръ-Гольца, то въ Греціи онъ такого не нашелъ бы. Ему пришлось бы обратиться въ Азію.

Послѣ смерти Кира, такихъ тамъ было два: Ксерасъ и Артаксерасъ».

Въ новой исторіи къ идеалу Ксенофонта подходитъ только Наполеонъ эпохи Аустерлица.

Подъ Эйлау, Москвой и Ватерлоо это больше генераль въ изображеніи фонъ-деръ-Гольца.

Къ этому времени онъ уже пренебрегалъ жизнью своихъ солдатъ для осуществленія своего честолюбія и жертвовалъ интересами отечества въ пользу безмѣрной жажды войны.

Ж. Лазаревичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

